

А. И. Романчук

ХЕРСОНЕССКИЙ ЗАПОВЕДНИК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ИСТОРИКИ УРАЛА

В преддверии юбилейных дат, как правило, мы задумываемся о событиях, которые предстоит отметить. В этом году мы будем праздновать 60-летие окончания Великой Отечественной войны. Безусловно, появятся статьи и публикации документов, освещающие подвиг нашего народа, его жертвенное служение на трудовых постах и на полях сражений. Мне бы хотелось остановиться на некоторых страницах научной дружбы, которая возникла в годы войны между историками Урала и сотрудниками национального заповедника Херсонес Таврический, на истоках сотрудничества, приведшего в 1958/59 г. к созданию Крымской археологической экспедиции Уральского университета. Обращение к такому сюжету вызвано прежде всего тем, что на конференциях различного ранга, когда речь заходит об истории Херсонесского заповедника, всегда упоминается эвакуация некоторых его находок и архива в Свердловск (Екатеринбург). При просмотре архивных дел встречается надпись: «Проверено. 1942 г.» и подпись Е. Г. Сухова, который в то время работал в Свердловском педагогическом институте. Но мало кто знает о том пути, о тех трудностях, которые пришлось преодолеть людям, сопровождавшим исторические документы и находки на далекий Урал. Напомнить об этом – задача настоящей публикации, в которой приведены цитаты из дневника Станислава Францевича Стржелецкого, описавшего это долгое «путешествие».

Осенью 1941 г. С. Ф. Стржелецкий отмечал: «Жизнь в музее замирает. В Херсонесе увеличивается количество военных. Приходится много внимания уделять охране памятников городища. Ежедневно по несколько раз делается обход городища, и в один из них вместе с полуразвалившейся стеной я упал в глубокий подвал»¹.

18 сентября 1941 г. груз, состоявший из 108 ящиков с отчетами, книгами, негативами и некоторыми наиболее ценными находками, был погружен на одно из последних покидавших Севастопольский порт судов, следовавших на Кавказ. Началась долгая дорога на северо-восток. Дорога,

длившаяся три месяца. Только в конце декабря вагон с материалами из Херсонеса прибывает в Свердловск.

Ящики с находками и архивными делами, неоднократно попадавшие под обстрел; разрушающиеся от дождя и снега бумаги и негативы; страдающие от голода и морозов люди (С. Ф. Стржелецкий был эвакуирован вместе с семьей – двумя малолетними сыновьями и женой) требовали помощи. И она пришла: Е. Г. Суров² и студенты Свердловского педагогического института помогли привести в порядок архивные дела. Именно в эти дни и закладывались основы дружбы Херсонесского музея и свердловчан.

Однако, прежде чем мы остановимся на более поздних событиях, обратимся еще раз к путевому дневнику С. Ф. Стржелецкого, который писал, что ему удалось в вагоне оборудовать стол для занятий

...На двух тумбах из ящиков с памятниками и перекрытых третьим с мраморным декретом IV в. до н. э. Получилось солидно, крепко и удобно. Чернильница укреплялась в гнезде так, что никакие толчки не страшны. Можно было приступить к работе. Однако раньше нужно готовить постель. Таким же способом из ящиков, среди них же сооружается настоящий саркофаг, перекрываемый еще одним декретом. Хотя есть небольшая опасность оказаться среди ночи под мраморной плитой, но зато ниоткуда не дует.

...Уже вынужденное ожидание в Тбилиси заставило взяться за работу. Имея с собой библиотеку, это было легко сделать. Плохо только со светом, можно работать до темноты от рассвета. В итоге за время езды до Средней Азии удалось подготовить вчерне статью о мраморных барельефах, выдающихся памятниках раскопок 1935 г., рецензию на отчет о раскопках 1935 г. и кое-что сделать для диссертации (как не вспомнить сегодняшние жалобы некоторых из нас об отсутствии условий для научной работы и нехватке времени. – А. Р.).

...В ст. Балалжары застряли надолго... Положение ухудшается. Кушать нигде. Хлеба добились у военного коменданта. Выручает варенье и вода со станции. Наступили тревожные дни на Донбассе. Создается угроза, что дальнейшее промедление приведет к срыву проезда даже через Тихорецкую и Сталинград. Мариуполь, Таганрог пали... К прелестям, описанным выше, прибавьте отсутствие самого необходимого – хлеба и воды; и то и другое привозят поездом, откуда-то издалека. Об остальном не приходится и говорить. Отойти от станции нельзя, ибо никто не знает, куда и когда повезут дальше³. Зато не трясет и можно читать и писать. Вид моря наводит на мысль о наличии рыбы, но совершенный поход к морю таковой не обнаружил, хотя рыбаков видели.

...Хлеба выделили мало, вода ограничена. На этой же станции расстался с попутчиками, которые, узнав, что бомбят у Армавира, решили ехать только до Махачкалы и оттуда через Астрахань на Урал. Это разумный и несколько безопасный путь.

В конце декабря груз наконец-то достиг Свердловска. И полураздетым, голодным людям на помощь пришли уральцы.

... Из уральцев особо выделяем Евгения Георгиевича Сурова, доцента Свердловского педагогического института, который не только сам лично включился в работу проверки вывезенного имущества, но привлек к этому делу и своих студентов. В нетопленном помещении, при температуре ниже нуля эти добровольцы самоотверженно трудились для блага музея. В глазах херсонесцев Е. Г. Суров полностью заслужил проксению – равные гражданские права с прирожденными херсонеситами. Что было особенно приятно в этих людях – это сочетание прекрасных деловых качеств с теплым участием к Херсонесскому музею, скитающемуся вдали от своей матери – земли городища⁴.

Для справки тем, кто не знаком с историей заповедника:

1. После закрытия музея один из старейших участников раскопок, работавший еще с К. К. Косцюшко-Валюжиничем и Р. Х. Лепером, рабочий Федоров и смотритель А. К. Тахтай (1890–1963) закопали в землю, чтобы уберечь от расхищения и вражеских снарядов, некоторые находки⁵.

2. Во время приведения в порядок архивных документов Е. Г. Суров начал собирать материалы, обобщающие раскопки цистерн Херсонеса. В 1948 г. он опубликовал работу, посвященную рыбозасолочному промыслу Херсонеса⁶.

Сегодня трудно, невозможно представить условия, в которых рождались научные статьи в годы войны. Также трудно реконструировать содержание бесед, которые могли вести за вечерним скудным военным чаем три человека – С. Ф. Стржелецкий, обретший надежных друзей в далеком от Севастополя уральском городе; Е. Г. Суров, возглавивший позднее Крымскую археологическую экспедицию университета (1958–1962); первый заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Уральского университета, основатель уральской школы византистики М. Я. Сюзюмов. Однако вполне возможно, что именно во время этих вечерних бесед и родился план организации археологической экспедиции в Херсонес. Для Е. Г. Сурова это позволяло проверить его идею о времени строительства рыбозасолочных цистерн⁷. Для М. Я. Сюзюмова Херсонесское городище могло стать своеобразным полигоном проверки идеи о развитии византийского провинциального города в период «темных веков» – в середине VII – середине IX в.

Для М. Я. Сюзюмова раскопки в Херсонесе представляли интерес прежде всего потому, что этот город, возникший в VI в. до н. э., переживший эпоху Великого переселения народов, сохранял свое значение экономического, культурного и церковного центра Таврики вплоть до конца XIV в. Раскопки Херсонеса могли объяснить причины малочисленности археологических материалов в переходный период, дать новые аргументы в споре с теми, кто придерживался точки зрения о дезурбанизации в Византии или сохранении византийского города в период «темных веков». Сторонником последней, считавшим, что на территории Ви-

зантии, в отличие от Западной Европы, город сохранил свое значение в переходное к Средневековью время, и являлся М. Я. Сюзюмов⁸.

Так, во время бесед Е. Г. Сурова, С. Ф. Стржелецкого и М. Я. Сюзюмова, возможно, и возникла идея организовать археологические раскопки свердловчан в Херсонесе. В 1958 г. она была претворена в жизнь. Будучи доцентом Уральского университета, Е. Г. Суров (на работу в университет он перешел в 1955 г.), вместе с 10 студентами на собственные отпускные средства начал исследование территории около одной из базилик Херсонеса – западной (№ 13). В следующем году вышел приказ об организации Крымской археологической экспедиции.

Не останавливаясь в данном случае на анализе научного вклада Е. Г. Сурова в изучение истории Херсонеса, отмечу только, что многочисленный собранный им материал о количестве рыбозасолочных цистерн, их размерах позволил сделать вывод о товарном характере промысла во все периоды истории города⁹. Имеющиеся в отчетах конца XIX – начала XX в. сведения о находках из заполнения цистерн («пашенных ям», как называл их К. К. Косцюшко-Валюжинич), стратиграфические наблюдения столь кратки, что не дают устойчивых оснований для определения времени строительства и функционирования того или иного рыбозасолочного комплекса. Некоторые материалы о хронологии строительства позволили получить отчеты Г. Д. Белова о раскопках северного района Херсонеса, на территории которого до 1940 г. было обнаружено несколько цистерн для засолки рыбы¹⁰. Поэтому одной из задач Крымской археологической экспедиции университета стало выявление конструкции, времени возникновения и функционирования цистерны № 33, расположенной на северо-западном участке Херсонесского городища, неподалеку от западной базилики. Одновременно было предпринято и ее исследование (базилика открыта в 90-е г. XIX в. К. К. Косцюшко-Валюжиничем)¹¹. Раскопки северо-западного участка Херсонесского городища производились до 1962 г. и позволили выявить периодизацию строительной деятельности в данном районе города¹².

В 1962 г. заведующий античным отделом Херсонесского заповедника С. Ф. Стржелецкий выступил с идеей создания объединенной археологической экспедиции, которая должна была включить в свой состав всех исследователей, работающих в Херсонесе. Его поддержали Е. Г. Суров и аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков исторического факультета УрГУ В. Н. Даниленко. В 1963 г. такая экспедиция была создана, в нее вошли Уральский и Харьковский университеты, Херсонесский заповедник, эпизодически принимали участие в раскопках в рамках объединенной экспедиции студенты Пермского и Уфимского университетов. Объектом исследования с 1963 г. стал портовый район Херсонеса. Но это уже другой сюжет из истории раскопок города, существовавшего два тысячелетия.

¹ Науч. архив нац. заповедника «Херсонес Таврический» (НА НЗХТ). Д. 460. Л. 7. Последствия падения были настолько серьезными, что С. Ф. Стржелецкого сняли с военного учета вследствие инвалидности, и он был назначен сопровождать музейные ценности, отправляемые на Урал.

² Е. Г. Суров после окончания семилетки в г. Ельце, учился в педагогическом училище, затем в Московском педагогическом институте им. В. И. Ленина. В годы учебы в институте он заинтересовался экономической историей Херсонеса (работа на соискание ученой степени кандидата исторических наук посвящена виноделию Херсонеса античного периода. См.: *Суров Е. Г. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом* // Учен. зап. Моск. пед. ин-та. 1942. Т. 28, вып. 1).

³ С. Ф. Стржелецкий пишет, что однажды он все же вынужден был оставить ящики, чтобы раздобыть хлеба. Пока он отсутствовал, один из ящиков исчез. Дело в том, что для упаковки использовалась различная тара: на украденном ящике стояла надпись «масло».

⁴ *Стржелецкий С. Ф. Путевой дневник* // НА НЗХТ. Д. 460. Л. 17–40.

⁵ В годы оккупации А. К. Тахтай проводил для немецких солдат и офицеров экскурсии по городищу. Это помогло сохранить памятники от разграбления. Но в последующем «сотрудничество с немецкими оккупантами» стало одним из основных пунктов обвинения во время суда над ним. На долгие годы имя А. К. Тахтая было вычеркнуто из истории Херсонеса. См. об этом: *Греб В. И., Супруненко О. Б.* Археолог Александр Тахтай. Полтава, 1991.

⁶ *Суров Е. Г. Херсонесские цистерны* // Учен. зап. Свердл. пед. ин-та. 1948. Вып. 4.

⁷ Оценка значения раскопок северо-западного участка городища подробно проанализирована в работе: *Лямин А. В., Романчук А. И.* Раскопки Херсонеса: гипотезы и научные доказательства: Очерки историографии. Екатеринбург, 2005 (в печати).

⁸ М. Я. Сюзюмов писал в одном из писем, что «Херсонес, Ольвия, Пантикапей и т. д. ценны истории только потому, что они распространяли достижения великой античной культуры» (подробнее о значении Херсонеса в работах М. Я. Сюзюмова см.: *Поляковская М. А.* Херсонес в письмах М. Я. Сюзюмова // Поляковская М. А. Византия, византийцы, византилисты. Екатеринбург, 2003. С. 320–323). Особенности развития византийского города в период «темных веков» изложены в ст. *Сюзюмов М. Я.* «Византийский город (середина VII – середина IX в.) // Визант. современник. 1967. Т. ?????? С. 38–70.

⁹ См.: *Суров Е. Г. Херсонесские цистерны; Он же.* План расположения рыбозасолочных цистерн на территории Херсонеса Таврического // Науч. исследования ист. фак-та Урал. гос. ун-та за 1958 уч. г.: Тез. науч. конф. Свердловск, 1959. С. 55–56.

¹⁰ См. об этом данные в ст.: *Белов Г. Д.* Из истории экономической жизни Херсонеса во II–IV вв. н. э. // Античный город. М., 1963. С. 61–68.

¹¹ Некоторые итоги изучения базилики представлены в студенческой работе Н. И. Барминой (см.: *Бармина Н. И.* Мозаика западной базилики // Античная древность и Средние века (АДСВ). 1965. Вып. 3. С. 166–170).

¹² См.: *Суров Е. Г. Раскопки Уральского университета в Херсонесе* // *Суров Е. Г. Херсонес Таврический.* Свердловск, 1961. С. 65–102; *Он же.* Раскопки в северо-западном районе городища // Сообщ. Херсонес. музея. 1961. С. 67–70; *Он же.* Раскопки Уральского гос. университета им. А. М. Горького в северо-западном районе Херсонеса в 1959–1960 гг. // Тез. докл. о раскопках Херсонеса Таврического. Севастополь, 1961. С. 9–10; *Он же.* К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 119–147. (в этой работе Е. Г. Суров основное внимание обращает на те памятники, которые свидетельствуют о сохранении Херсонеса в период «темных веков»).